

Юйлэ перевели в комнату к Цяо Цзиньшэн. Хотя формально это было повышением, она оказалась вдали от самого сердца Резиденции принцессы, и поначалу не знала, радоваться этому или печалиться. Юйли взяла на себя роль наставницы: — Раз Цзюньчжу Дуаньян всё так же благоволит к Девятой принцессе, разве этого недостаточно?

— Но ведь у Цзюньчжу совсем не постоянный характер, — вздохнула Юйлэ. — Вспомни ту птичку, а до неё попугая — разве она в конце концов не отдавала их другим? А ведь поначалу, когда они только попадали к ней в руки, она носилась с ними как с писаной торбой.

— Как же можно сравнивать? Девятая принцесса — это всё-таки Девятая принцесса, — успокаивала её Юйли. — Кто знает, может, когда Девятая принцесса вернётся во дворец, она возьмёт тебя с собой.

— Ты думаешь, это к добру? Впрочем, ладно, сейчас остаётся только плыть по течению. — Юйлэ всё ещё выглядела подавленной, но осмеливалась говорить об этом только перед Юйли, с которой выросла вместе и одновременно поступила на службу во дворец. Стоило ей отвернуться, как она тут же надевала маску, чтобы никто не заподозрил её в недовольстве.

В это время Цяо Мань сидела вместе с Цяо Цзиньшэн в беседке у небольшого озера. Вода была устлана цветущими лотосами, и казалось, что из-за них изменились краски самого мира. Цяо Мань отослала слуг и с живым интересом принялась учить маленькую кузину играть в го. Цзиньшэн впервые видела чёрно-белые камни. Она подержала их в руках, взвешивая: они оказались холодными и тяжёлыми.

Увидев это, Цяо Мань склонила голову набок и произнесла: — Это подарок императора-дядюшки, он говорил, что они сделаны из обожжённого стекла. Когда я впервые их увидела, то очень удивилась: надо же, как искусно подобрали цвет для каждого камня. — Говоря это, она слегка вскинула подбородок. В свои пятнадцать лет она уже обладала невероятной, почти неземной красотой.

Лишь услышав слова сестрицы Мань, Цзиньшэн смутно осознала, что эти камни невероятно ценны, и на сердце у неё невольно стало чуть грустно. Но раз эта добрая сестрица Мань так хорошо к ней относится, значит, всё в порядке.

Думая об этом, она подняла голову и едва не забыла, как дышать.

Сестрица Мань... она и правда такая прекрасная, подумала Девятая принцесса.

Цяо Мань понимала, что её слова могли быть не совсем уместны — если бы маленькая кузина была чуть проницательнее, то могла бы надумать лишнего, и сейчас казалось, что так оно и есть.

Однако чувства Цяо Цзиньшэн её не особо волновали, напротив, она ощутила странное удовольствие. К сожалению, это чувство исчезло, стоило ей взглянуть на выражение лица

девочки. Цяо Мань стало неловко под её пристальным взглядом, поэтому она встала и подошла к перилам галереи, глядя вниз, где в воде отражался её собственный облик.

Всё выглядело как обычно, ничего необычного.

Она нахмурилась, повернула голову и спросила Цяо Цзиньшэн: — Что такое? Почему ты всё время смотришь на меня?

Цяо Цзиньшэн осторожно положила камень на место и ответила: — Цзиньшэн... сестрица Мань такая красивая.

При этом она постоянно кивала, словно боясь, что ей не поверят.

Цяо Мань прыснула со смеху, и от этой улыбки уголки её губ приподнялись, сделав её ещё более обворожительной. Немало людей восхищались её внешностью, но обычно это были старшие, подбиравшие изысканные слова, и только Девятая принцесса могла вот так прямо сказать: красивая.

— Разумеется. Я слышала, что в своё время именно моя мать была настоящей красавицей, затмевавшей всех в Поднебесной, — улыбнулась Цзюньчжу Дуаньян, но тут же помрачнела. — Став старше, я поняла, что это всё выдумки. Много ли людей может увидеть женщина за свою жизнь? Даже мать... когда она виделась с сановниками императора-дядюшки, то всегда оставалась за ширмой.

Цяо Цзиньшэн испугалась, что сказала что-то не то — отчего же у сестрицы Мань так изменилось лицо? — и притихла, не смея больше проронить ни слова. Цяо Мань снова рассмеялась, заметив, что разговор ушёл в сторону, и начала объяснять Девятой принцессе простые правила игры. Цзиньшэн старалась всё запомнить, но ей казалось, что даже просто слушать сестрицу Мань — задача не из лёгких.

Годы, проведённые в Холодном дворце, нанесли ей тяжёлую душевную травму, и больше всего на свете Цяо Цзиньшэн не доверяла самой себе.

Однако она не могла пренебречь вниманием сестрицы Мань, поэтому пыталась играть как умела, но вскоре запуталась, и Цяо Мань легко одержала победу. Впрочем, та не придавала этому значения, просто после нескольких партий ей стало скучно.

— Довольно... в другой раз я найду кого-нибудь, кто обучит тебя, — сказала Цзюньчжу Дуаньян. — Раз уж Цзиньшэн исполнилось двенадцать, пожалуй, уже поздно. Но всё нужно пробовать, чтобы потом не говорили, что сестрица Мань тебя ущемляет. — Из-за недавнего разговора её тон стал гораздо холоднее. Хотя в глубине души она понимала, что и правда слишком строга к Девятой принцессе, Цяо Мань с детства была избалована, и уже то, что она сказала такие слова, было для неё подвигом.

Цяо Цзиньшэн, и так пребывавшая в унынии, долго кивала после слов Цяо Мань, а затем тихо спросила: — А если у Цзиньшэн не получится научиться?

— Сестрица любит смыслённых детей, — легкомысленно ответила Цяо Мань. — Если у Цзиньшэн не получится, всегда есть Восьмая или Седьмая принцессы, верно?

Цяо Цзиньшэн вздрогнула и окончательно растерялась, не зная, что ответить. Видя её состояние, Цяо Мань почувствовала, как остатки недовольства исчезли, и улыбнулась: — Конечно, раз сестрица забрала тебя к себе, значит, сейчас ты мне очень нравишься.

Она встала и наклонилась к Цяо Цзиньшэн, пока их лица не оказались почти вплотную, нос к носу. Глядя на испуг и выступившие слёзы в глазах Девятой принцессы, Цяо Мань прошептала мягким голосом: — Поэтому постарайся не разочаровывать сестрицу Мань.

— ...Хорошо.

Цяо Цзиньшэн пришла в себя лишь тогда, когда Цяо Мань снова села на место. Она торопливо ответила, но сердце у неё колотилось как бешеное.

Когда они были так близко, она заметила, что кожа сестрицы Мань была практически безупречной, и ей безумно захотелось дотронуться до неё.

И ещё... через вырез платья можно было увидеть...

Цяо Цзиньшэн вспыхнула, забыв обо всех своих тревогах. В памяти осталась лишь ослепительная белизна и... это было так неловко!

Она видела сестрицу Мань без одежды позапрошлой ночью, когда та принимала ванну. Но почему-то сейчас это выглядело совсем иначе. Может, дело было в одежде, которая скрывала всё остальное?

Цяо Цзиньшэн сглотнула и поспешно схватила засахаренный фрукт, запихнув его в рот, заодно убеждая себя, что хочет... просто потому, что проголодалась.

Поскольку Дворец Чунхуа был местом ссылки, служанки не особо следили за порядком, и Цяо Цзиньшэн однажды случайно стала свидетельницей тайной связи. Она не смела говорить об этом, но по мере взросления Девятая принцесса начала понимать вещи, о которых знать не полагалось.

Цяо Мань моргнула, чувствуя себя несправедливо обвинённой — она ведь ничего такого не делала, почему же Девятая принцесса так изменилась? Её личико покраснело, будто она нанесла румяна.

Ситуация была неловкой, и Цзюньчжу Дуаньян прикрыла рот рукой, тихо кашлянув: — Цзиньшэн, тебе... слишком жарко?

Это была правда. Сейчас стояло лето, и Цяо Мань даже в своей комнате не могла обойтись без ледяных чаш. А здесь, у озера, она понадеялась на ветерок и не стала звать слуг с веерами.

Цяо Цзиньшэн изо всех сил жевала сладкую мякоть и наконец решилась посмотреть на сестрицу Мань. Её голос был тише, чем когда-либо: — Сестрица Мань, и правда немного жарко.

Цяо Мань снова замерла. Она ведь не впервые слышала голос Девятой принцессы, но почему раньше не замечала... что у этой девочки такой мягкий и нежный голос?

<http://bllate.org/book/20769/2083950>